

Примирение. Часть 1.

Путеводная Нить

Рейс из Пекина в Синапур, выполняемый авиакомпанией “Air China”, был назначен на десять утра. В аэропорту надо появиться за три часа. Получается, ещё одна бессонная ночь. Потому что в самолёте надо будет поработать, чтобы потом поехать на очередные переговоры. Три дня в Сингапуре, а потом перелёт в Сидней, аж в семь утра. Чтобы прилететь вечером, кинуть вещи и отправиться на какое-то дурацкое мероприятие.

Мужчина выпил немного виски и захлопнул папку. Швырнул её на стол и подошёл к окну. На улице зажглись фонари, начался сильный ветер. Нужно ложиться спать, чтобы хоть немного выспаться, но сон никак не шёл. Потому что до отъезда оставалось всё меньше времени, и последняя ниточка, связывающая его с сыном, рвалась. Скоро больше не будет возможности с ним встретиться, и он понимал, что что-то теряет. Безвозвратно.

Допив виски и поставив стакан на подоконник, мужчина надел свой плащ, взял телефон, бумажник и зажигалку, и вышел из номера. Спустился в холл и осмотрелся, в надежде, что увидит сына. Но мальчишки не было. Поняв, что он не придёт, и ниточка, чтобы встретиться с ним, уже порвалась, он застегнул плащ, поднял воротник и вышел на улицу. Ветер был сильный и достаточно холодный. Плащ не спасал от ветра, и вскоре стало холодно. Может, это было холодно в душе. Он направился по улице, опустив голову и глядя под ноги, изредка поднимая голову, чтобы осмотреться. Но Маркуса не было.

Он зашёл в один переулок, где был магазин, в котором продавались сигареты нужной ему марки. Купив сигареты, он вышел из магазина и направился дальше, не обратив внимания на стайку молодых людей, стоящих у дома. Убрал бумажник в карман и закурил.

Позади послышались какие-то шорохи и слова, и он остановился и обернулся. Увидел перед собой какую-то палку, которая впечаталась в его голову. Больше он ничего не помнил.

Мужчина повалился на асфальт. Грабители ощупали его, достали бумажник и телефон, также вытащили сигареты, а один из них снял с предполагаемого трупа дорогой плащ. И, смеясь и гогоча, они побежали прочь от человека...

Маркус Агирре

Яреци попросила его поговорить с отцом до пятницы, сказав, что отец уезжает рано утром, и он забрал визитную карточку отеля с написанным номером, а потом покинул гостеприимную квартиру сестры. Он не знал, куда ему идти, но не смог воспользоваться возможностью пожить у отца в номере. Яреци была уверена, что отец его пустил бы пожить, но что потом, когда он уедет? Он останется здесь? Или отец ему даст денег, чтобы он вернулся в свой монастырь?

Тем не менее, эти два дня Маркус сидел на лавочке в сквере и просматривал за отелем. Пару раз он видел отца с какой-то женщиной, которые садились в машину, и провожал автомобиль грустным взглядом. Потом видел, как автомобиль приезжал, и из него выходили мужчина и женщина. Наличие женщины рядом с отцом заставляло Маркуса думать, что тот обзавёлся семьёй и теперь точно не захочет поговорить с ним. Может, не стоит и пытаться?

Но всё-таки в четверг вечером Маркус зашёл в холл отеля. Было достаточно тепло, и он направился к лифтам. Поднялся на четырнадцатый этаж и подошёл к нужному номеру. Постучался в дверь. Никто не открывал.

- Он только что вышел, - сказала уборщица. - Вот буквально пять минут назад.

Маркус кивнул и побежал к лифтам. Ему казалось, что это был последний шанс увидеть отца, и он его упускает. Теряет безвозвратно. Надо успеть хотя бы последний раз посмотреть на него, запомнить черты его лица и фигуру, чтобы потом вернуться в монастырь. Он обещал Анастасии рассказать про Властелина.

Лифт приехал почти сразу, и Маркус нажал на кнопку. Но лифт, как назло, останавливался на каждом этаже, и он уже отчаялся увидеть отца. Почему-то стало тоскливо, в груди защемило, и он сглотнул. Лифт остановился на первом этаже, и он вышел в холл.

Высокую и стройную, несмотря на возраст, фигуру отца, он увидел около входных дверей. Тот был один, и Маркус направился за ним. В холле, несмотря на вечер, было много людей, и пока Маркус вышел на улицу отец уже скрылся. Он направился по улице, считая, что не успел его увидеть в последний раз, но тут увидел, как отец сворачивает в какой-то нехороший переулок, а через несколько минут из него выбегают пацаны, у одного из которых в руках был похожий плащ. Маркус сглотнул и побежал туда.

- Отец? - прошептал он, падая перед ним на колени.

Путеводная Нить

Без плаща было холодно. Сначала в сознание проник холод, а потом появилась какая-то неприятная боль. А потом уже вторгся голос человека. Родной и любимый голос, который он уже и не надеялся услышать. Он медленно открыл глаза. Сначала картинка была нечёткой, потом стали вырисовываться какие-то черты асфальтового покрытия, на котором лежал. Он пошевелил головой и зажмурился, потому что перед глазами стали появляться какие-то неприятные звёздочки. Легче не стало, и он решил поменять положение тела в пространстве и сесть. Но, оперевшись на руку, он застонал от сильной боли где-то в районе запястья. На лбу выступил пот. Боль была резкая, пульсирующая. Он кое-как сел и прислонился спиной к стене дома. Другой рукой прислонился к брови. Она была в крови. Он закрыл глаза и попытался подняться, но головная боль была очень сильная и неприятная.

- Маркус, - простонал он, открывая глаза и глядя на сына, который выглядел испуганным, - меня ограбили. Я... помоги мне дойти до отеля... пожалуйста...

Он никогда ни у кого не просил о помощи, и тем более не просил помощи у своего сына. Потому что прекрасно помнил то время, когда сын просил его о помощи, а сам он отказывал ему. Сейчас он понимал, что его просьба не может быть услышана, и Маркус, убедившись, что с ним всё относительно в порядке, может просто уйти. Потому что он сам уходил от сына. Эффект бумеранга? Возможно. Но сейчас ему было плохо, в физическом плане. Потому что в данный момент у него не было с собой документов, а китайский язык он знал не настолько хорошо, чтобы объяснить таксисту, в какую именно больницу ему надо. И дойти до отеля он вряд ли сможет сам, хотя до него не так далеко...

Маркус Агирре

Отец был жил, и это радовало. Молодой человек, видя, как тот пытается подняться, одновременно испытал несколько чувств, которые были прямо противоположные и одно было ему совершенно не свойственное. Он хотел обнять отца, прижать его к себе, потому что его старик выглядел очень плохо и казался беспомощным. И он хотел уйти, убедившись, что тот в состоянии сам передвигаться. Но сейчас он ограничился лишь протянутой рукой, чтобы помочь ему подняться. Когда тот не смог подняться с первого раза, застонав от сильной боли, молодой человек испытал что-то похожее на страх. Или панику. Он не знал, что делать, и боялся, что не сможет сделать ничего. У отца была разбита бровь, и кровотечение было достаточно сильным. Возможно, это было следствием удара, а может быть он просто приложился головой об асфальт. Наверное, нужно отвезти его не в отель, а в больницу? Но он сказал, что его ограбили. Значит, у него нет денег. Что тогда делать? Ведь он не сможет дотащить отца до его номера в отеле. А что потом, когда он это сделает?

Он достал из кармана джинсов бумажный платок и протянул его отцу, чтобы тот прислонил его к брови. Потом снова помог ему встать, и на этот раз получилось. Перекинув здоровую руку отца через своё плечо, Маркус, поддерживая его, медленно направился в сторону отеля, надеясь, что там кто-нибудь окажет ему помощь. Или найдётся эта женщина, с которой отец постоянно выходил из отеля.

Но, к сожалению, никто так и не попался. На них даже не обратили внимания, потому что, как только они зашли через дверь - вертушку, отец отстранился от него и попытался идти сам, но его сильно шатало. Молодой человек помог ему дойти до лифта, потом до номера, и усадил отца в кресло. А сам остановился напротив, не зная, что делать. Он решил осмотреть номер, чтобы хоть как-то себя занять. Это был огромный люкс, с двумя спальнями и большой гостиной, в которой они сейчас находились. На журнальном столике стояла корзина с фруктами и лежало много журналов.

Он посмотрел на отца. Тот был очень бледным, на лбу был пот, а из раны до сих пор сочилась кровь. Молодой человек, поддавшись порыву, осторожно прислонился тыльной стороной ладони к его лбу и вздрогнул от каких-то странных чувств, которые появились в его душе. Снова захотелось обнять его и подарить ему немного тепла и спокойствия. Потому что отец выглядел не жалко, но каким-то сломленным. Маркус не помнил ни одного раза, чтобы отец чем-то болел. Только полгода назад он попал в больницу из-за проблем с сердцем.

- Отец? Как ты? - дрогнувшим голосом спросил он.

Путеводная Нить

От голоса сына стало не по себе. Потому что он не привык, что сын может проявлять к нему нежность. Точнее, он просто не знал этого. При любой встрече с Маркусом они либо не разговаривали, либо ругались. Последняя встреча в больнице запомнилась ему. Он помнил и это слово “ненавижу”, которое бросил ему Маркус, да и он сам не сильно отличался от своего сына, сказав, что не желает его видеть. И сейчас эта забота, это нежное прикосновение руки к его лбу, были не характерны их отношениям. Мужчина вздрогнул от этого и медленно открыл глаза. Снова сначала картинка была расплывчатой, а потом все приобрело очертания, и он посмотрел на сына. Потом прислонил руку, в которой была бумажная салфетка, к брови, и снова закрыл глаза. Любое движение отдавалось болью. Хотелось просто сидеть и ни о чём не думать.

А подумать стоило. Потому что через пять часов надо отправляться в аэропорт, чтобы полететь в Сингапур. Но для начала ему надо избавиться от боли в раненой брови и отдохнуть. Надо обратиться к врачу.

Он резко поднялся с кресла и зажмурился от головокружения. Мир поплыл перед глазами, он пошатнулся. Потом в голове что-то взорвалось, а к горлу подкатил комок тошноты. Он осторожно открыл глаза и направился в ванную. Но сделав несколько шагов пошатнулся и тяжело рухнул на пол, куда его и стошнило.

Было страшно и очень стыдно. И если бы это случилось не при сыне, а при Джулии, было бы не так стыдно. Джулия помогла бы, вызвала врачей, успокоила. А Маркус... он же не будет ему помогать. Ведь он сам никогда не помогал своему сыну, с чего то должен помогать ему?

Маркус Агирре

Отец ему ничего не ответил, и молодой человек слабо покачал головой. Он сам плохо представлял, что нужно делать, но решил, что пока нужно остаться. К тому же отец выглядел ужасно. Он был достаточно бледным, и это уже вызывало сильные опасения. Наверное, нужно было вызвать врача и отправить его в больницу. Он только хотел предложить позвонить на ресепшн, чтобы те вызвали врача, как отец резко поднялся с кресла. Пошатнулся и, не говоря ни слова, направился в ванную. Правда, почти сразу повалился на пол. Маркус поморщился и в первые секунды испытал отвращение к нему, а потом вздохнул и направился в ванную. Намочил одно полотенце холодной водой и вернулся к отцу. Опустился перед ним на корточки и помог ему сесть. Осторожно и нежно протёр его лицо полотенцем, а потом помог ему подняться и, перекинув руку через свое плечо, повёл его в одну спальню и усадил на кровать.

- Тебе надо лечь, отец, - сказал он, - а я вызову врача.

Он помог отцу лечь на подушку и набрал номер ресепшна. Яреци как-то рассказывала, что врача в отелях вызывают через службу приёма и размещения. Хотя в таком дорогом отеле вряд ли было всё просто. И, наверное, можно было врача вызвать из номера. Оставив заявку, Маркус полотенцем вытер следы рвоты,

помыл руки и взял другое полотенце, смочил его водой и вернулся к отцу. Сел на край кровати и стал осторожно протирать его ранку на брови. Отец, кажется, снова отключился. Он укрыл его пледом и вышел из спальни в гостиную. Сел в кресло и стал грызть яблоко, пытаясь понять, что с ним случилось. Почему он так сильно испугался за своего единственного родителя, с которым никогда прежде не мог найти общий язык. Его вдруг посетило осознание, что он может не успеть наладить отношение с отцом. Он вздрогнул от мысли, что отец когда-нибудь может уйти, и встретятся они только на похоронах. Он яро замотал головой, понимая, что вот этого боится больше всего - упущенной возможности хоть как-то наладить с ним отношения.

Маркус Агирре

Он доел яблоко и откинулся на спинку кресла. Он совершенно не знал, что нужно делать. Потому что он никогда никому не оказывал помощь. А, однажды Насте оказывал помощь, дотащил её до лазарета. И Кимико спас, когда она чуть не упала. И всё, больше он никого не спасал. Раньше он вообще не мог представить, что нужно кого-то спасти.

Время тянулось невыносимо долго, и он порывался пойти в спальню, чтобы о чём-то поговорить с отцом, но он никогда не был с ним близок. Он совершенно не знал, как говорить, что говорить, нужно ли что-то говорить или надо просто сидеть рядом, создавая присутствие? Его никто никогда не учил, как надо себя вести с человеком, который нуждается в заботе. Как нужно себя вести с отцом. С отцом было сложно, потому что отец тоже не знал, как нужно говорить с сыном.

Прошло минут двадцать, и молодой человек услышал стук в дверь. Отложил журнал и подошёл к двери. В коридоре стояли врачи, и Маркус их впустил. Один поставил чемоданчик на журнальный стол и вытащил ручку из нагрудного кармана и протянул второму. Врач пробурчал что-то под нос и вопросительно посмотрел на молодого человека.

- Отец там, - Маркус подошёл к спальне. - Где-то около часа назад я нашёл его в подворотне. Он сказал, что его ударили и ограбили. Недавно его вырвало. И мне кажется, он ещё повредил руку, - сказал парень. - Мне кажется, он сейчас снова потерял сознание.

- Пойдём, Ли. Возьми фонендоскоп.

Врачи начали заниматься отцом, а Маркус остался в гостиной. Отсюда всё было прекрасно слышно.

Путеводная Нить

Он вернулся в сознание так же неожиданно, как и ушёл от этой реальности. Было тихо, и он хотел было встать, чтобы проверить, что в номере больше никого нет. Вряд ли сын будет носиться с ним, сломленным и старым стариком? Наверное, он уже ушел, а ему, Рикардо, ничего не остаётся кроме как встать, умыться и готовиться к поездке. Но любое шевеление отдавалось сильной болью в руке и голове.

Раздался стук в дверь, и он показался ему слишком громким. Он поморщился, а потом услышал голос сына. В голосе чувствовались нотки испуга, и мужчина вздохнул. Маркус переживал за него, хотя раньше за ним не водились признаки проявления сочувствия. Это было очень странно, но почему-то очень приятно.

Когда к нему вошли врач и фельдшер, он кивком головы их поприветствовал и стал рассматривать лепнину на потолке. Он очень не любил врачей и старался, чтобы как можно меньше их видеть. Не любил он врачей по одной простой причине - двадцать три года назад врачи не смогли (или не захотели) спасти его любимую женщину, мать Маркуса. В то время он был слишком завален работой, поэтому не смог контролировать всё, что происходило в Польше.

- Вам придётся поехать в больницу, чтобы подтвердить или опровергнуть диагноз сотрясение мозга.

- Мне нельзя в больницу, - упрямо сказал он. - Мне через восемь часов улетать, и эту поездку я не могу отменить.

- Это для вашей безопасности. Мы просто проведём необходимые манипуляции. Потом вы напишете отказ от госпитализации.

- Хорошо, - вздохнул мужчина.

- Вот и славненько, - сказал доктор, - мы подождём вас в гостиной.

Когда врачи вышли из спальни, Рикардо сел на кровати и расстегнул рубашку. Одна рука почти не слушалась, любое движение отдавалось болью, но он не мог попросить сына помочь ему переодеться. Вот если бы вместо сына была Джулия, то она бы помогла. При ней он не стеснялся быть слабым. Вообще если бы не было сейчас здесь сына, то было бы намного проще.

- Маркус, помоги мне переодеться... пожалуйста... - неожиданно для самого себя сказал он и почувствовал, как щёки пылают от стыда.

Маркус Агирре

Отец не хотел ложиться в больницу; он сказал, что у него через восемь часов очередная поездка. Маркус покачал головой и закрыл глаза. Потом из комнаты вышли врачи и сели на диван. Маркус хотел у них что-то спросить, но его отвлек голос отца. Просьба показалась ему очень неожиданной и совершенно нехарактерной для него. Хотя может он кого-то и просил о подобном. Сейчас Маркус начинал понимать, что абсолютно ничего не знает об отце. Только то, что тот в семнадцать лет уехал в Испанию, через три года перетащил семью туда, а потом познакомился со своей женщиной, которая умерла через три дня после рождения Маркуса. А может и сразу. И всё, больше об отце он ничего не знает. Только то, что он работает и работает. Где-то в правительстве. О его сестре знает, матери Яреци, о его брате и вообще что-то о семье. Обо всех, но не о нем. Потому что тётка тоже ничего не рассказывала ему. И бабушка с дедом тоже. Вообще никто ничего не рассказывал о Рикардо Агирре. Раньше Маркусу казалось, что отец либо какой-то тайный агент, либо преступник, либо про него никто не хочет знать. Со временем он

убеждался, что не так далёк от истины. Он даже не знал, сколько отцу лет.

Он лихорадочно пытался вспомнить хотя бы год его рождения, но это всё было в тумане. Ему это никогда не надо было. Но... наверное, это ужасно, не помнить дату рождения единственного человека, для которого ты имеешь какую-то ценность.

Он встал с кресла и направился в комнату отца, боясь увидеть что-то такое, чего он не хотел видеть. Тётка ухаживала за своей бабушкой, которая последние годы жизни была лежачей больной. Выносила судно, меняла постели, иногда просила чем-то помочь Маркуса, но тот всегда находил тысячу причин, чтобы ничего не делать. И сейчас, входя в комнату отца, он боялся увидеть мокрую кровать, штаны, ещё что-то соответствующее. Но нет. Всё было хорошо, только вот румянец смущения на бледном лице выглядел как-то устрашающе. У отца просто болела рука и кружилась голова, и он не мог переодеть брюки. Под присмотром отца Маркус достал из шкафа нужные брюки и рубашку и помог ему переодеться. Потом застегнул пуговицы на его рубашке. Это простое движение отдалось чем-то болезненным в том месте, где у нормальных людей было что-то напоминающее душу. Возможно, он начал что-то вспоминать, связанное с этим действием.

- У тебя есть какая-нибудь верхняя одежда? - Спросил он, но получил отрицательный ответ. - Это плохо. Ладно, тебе надо в больницу. Вставай и обопрись на меня. Ты... хорошо себя чувствуешь?

Отец ничего не ответил, но опёрся о плечо сына. Маркус вздохнул и медленно повёл его к ожидающим врачам. Потом они спустились в холл, и сели в машину. Маркус почему-то сел на кушетку рядом с отцом, которого разместили на каталку. Он даже не сомневался, что нужно это сделать.

Путеводная Нить

Рикардо Агирре всегда был сильным, редко просил кого-то о помощи, наверное только в детстве, и всё всегда старался делать сам. Болел он тоже редко и не прекращал работать. До того неприятного случая с сердцем он серьёзно болел лишь однажды - лет в десять. У него была ангина, которая перетекла в пневмонию.

А сейчас не произошло ничего критичного. У него не отказало сердце, он не подхватил пневмонию, он просто вышел прогуляться за сигаретами. И оказался не в то время не в том месте. И это его сильно подкосило. Потому что если бы его нашла Джулия, он бы не стеснялся так. Он бы не краснел, и не чувствовал себя сломленным и старым, как чувствовал себя при сыне. Когда Маркус помогал ему переодеть брюки и рубашку, когда он застёгивал пуговицы, мужчина боялся посмотреть на него. Он так давно не видел так близко своего сына, что его образ начал ускользать из его памяти. Он виделся с ним полгода назад, когда Маркус пришёл в больницу навестить его. А до этого он видел сына года два назад, избил его и сказал, что никогда не желает его больше видеть. Вышвырнул своего ребёнка на улицу. А теперь этот ребёнок помогает ему переодеться.

Мужчине было страшно, но он не мог ничего изменить. Когда Маркус помог ему подняться и повёл к выходу, позволив ему опереться на себя, он почувствовал какое-то странное щемящее чувство в груди и предательский комок в горле. Но

Маркус не видел его, и было проще. Он снова надел свою привычную маску холодного безразличия. Свои настоящие эмоции он показывал только двум людям - Лиде и Джулии. Иногда ещё сестре. И может быть племяннице. Он всегда был очень закрытым человеком.

Оказавшись на кушетке, он закрыл глаза, всё ещё боясь посмотреть на сына, хотя прекрасно видел, как тот садился в машину. Ему до сих пор было очень стыдно, его щёки пылали, и он не знал, что нужно делать. На языке крутилось много слов, но он не смог воспроизвести их. Боялся, что Маркус не услышит или вообще выскажет что-то неприятное в его адрес.

Машина с работающими маячками поехала достаточно быстро, и мужчина сглотнул. С угла глаза стекла горячая слеза, показывающая его слабость и ничтожность...

Маркус Агирре

Он смотрел на отца и пытался разобраться в своих чувствах. Он стал больше думать об отце не только из-за превращения, но из-за встречи с Анастасией, милой и доброй девочкой Настей. Она рассказывала о своей семье и советовала ему поговорить с отцом. Об этом же просила много раз сестра, потом даже Джун тоже предположил, что встреча на похоронах не самый лучший вариант. Самое неожиданное, с чем он столкнулся в монастыре - ему оказывали помощь люди, которые могли просто пройти мимо. Избить и уйти. Как это сделали все прежние друзья, когда он остался без денег и наследства. А эти люди ему помогали. Джун даже укрыл его пледом, когда они распивали спиртное в домике...

Машина остановилась, и фельдшер открыл дверь. Маркус вышел на улицу и направился за врачами, которые повезли отца на осмотр. В приемном отделении было много пациентов, и молодой человек сел на диванчик. Посмотрел на часы. Была почти полночь.

Он сидел с закрытыми глазами и думал, что будет потом. Судя по всему, отца так просто не выпустят из больницы. Он останется здесь, а что делать ему, Маркусу? Можно, конечно, попросить у отца денег и пожить в этом номере. Но он привык к жизни в монастыре, ему не хочется жить в отеле. Он лучше вернется в монастырь. Но отец...

К нему подошла медсестра и сказала, что его отца перевели в палату. Компьютерная томография выявила сотрясение мозга средней степени. А также анализ крови вызывал вопросы. Девушка назвала номер палаты, куда его отправят, и он кивнул. А потом закрыл глаза.

Послышались шаги, а потом его обоняния коснулся аромат духов. Зверь фыркнул, и молодой человек встрепенулся и открыл глаза. К нему шла женщина. Красивая, немолодая и очень стильно одетая. Женщина подошла к нему.

-Добрый день, сеньор Агирре. Как Рикардо? - Спросила она. - Джулия Хуантос, его личная помощница и секретарь.

-Здравствуйте, - вежливо поклонился молодой человек, встав с дивана и пожав

женщине руку. - Его перевели в палату, 401. Сказали, что у него сотрясение мозга.

-Я пойду к нему, - кивнула женщина и удалилась. Маркус вздохнул и закрыл глаза. А потом направился следом за женщиной.

Путеводная Нить

Все эти неприятные и непонятные процедуры занимали много времени, и мужчина начинал злиться. Потому что он был беспомощным, а это ему совершенно не нравилось. Он не хотел никому причинять неудобства, и его сильно нервировала эта беспомощность. Анализы не показали ничего хорошего, и он тяжело вздохнул. Томография вообще выявила у него сотрясение мозга, и ему было рекомендовано провести в постели хотя бы до утра. Но у него самолет через несколько часов, он не может остаться сейчас здесь. Он должен присутствовать на этом чертовом совещании. А потом на других.

Но ему пришлось сдаться. На руку наложили гипс, теперь он оказался еще более беспомощным, чем был раньше. Голова сильно болела, любое шевеление отдавалось острой болью, будто одновременно забивались в мозг тысячи маленьких острых гвоздиков.

Его отвезли в палату и оставили одного. В этот раз это была хорошая одноместная палата с небольшой комнатухой, в которой стоял диванчик. Около двери стоял стол с микроволновкой, чайником, бутылкой воды и несколькими тарелками. Там же располагался холодильник. Около комнатухи, где стоял один маленький диванчик, была дверь. Она вела в ванную комнату. Над входной дверью висел телевизор.

Мужчина поморщился и сел на кровати. Посмотрел на свою руку, потом встал с кровати. Голова сильно закружилась, к горлу подкатил комок тошноты, но он дошел до стола и тяжело облокотился о него. Взял бутылку воды, но из-за сильной боли в руке не смог её открыть. В ярости ударил больной рукой по столу и чуть не закричал от сильной боли, однако сдержал себя.

-Рикардо! - Послышался голос Джулии. - Зачем ты встал? Тебе не разрешили вставать!

-У меня всего лишь болит голова. Я хотел налить воды, - прошипел он.

-Я разговаривала с врачом. Тебе советуют лежать. Анализы крови не в порядке. Биохимия будет готова утром, но...

-Мне плевать! Я не должен здесь оставаться! Принеси мне одежду, и поехали отсюда! У нас самолет через пять часов.

-Какой самолет, Рикки? У тебя сотрясение мозга. У тебя рана на брови. Сломана рука. Рикки, ты должен остаться. Ты должен вылечиться.

Женщина положила руку на его плечо, но он грубо ее скинул. Потом выпрямился и затуманенным взглядом посмотрел на нее. Покачал головой и снова попытался открыть бутылку, на этот раз зубами. Но крышка была сильно закручена.

- Я только вышел из отеля, чтобы купить сигареты! Я хотел покурить! А мне разбили голову, сломали руку и ограбили. Зачем меня оставили в живых?! - прошипел мужчина, в ярости кидая бутылку воды. Джулия испуганно отошла от него на несколько шагов, но потом собралась и положила руку на его плечо и легонько сжала. - Уйди. Прошу, уйди. И принеси мне этот чертов плащ. Принеси мне хоть что-нибудь. Я не хочу здесь оставаться. Мне нужно на самолет...

Голос его дрогнул, и он замолчал. Опустил голову и весь как-то сгорбился. Женщина убрала руку.

- Поговори с ним. Он здесь. Рикки, не бойся быть слабым. В слабости нет ничего плохого. Я не смогу залечить твои раны, но он сможет. Поговори с ним, - нежно, но в то же время строго сказала женщина, вставая. Рикардо мотнул головой и зажмурился.

Маркус Агирре

Он проследовал за женщиной, которая представилась его секретаршей и личной помощницей. Женщина вошла в палату, а он остался на диване в коридоре. Хотелось спать, и он прислонился головой к стене и закрыл глаза. Мигающая под потолком ртутная лампа нервировала и напрягала. Он зажмурился. В палате послышался грохот, потом всё затихло, и он захотел уже войти в палату, но остановил себя. Там была та женщина, и она, если нужна будет помощь, ему поможет. Может, ему уйти? Джулия ему помогает, возможно, она является не только его помощницей, но видно было, что с ней его старик чувствует себя хорошо. Может, и не надо пытаться наладить с ним отношения?

В палату открылась дверь и послышались шаги. Потом женщина опустилась на тот же диванчик, на котором сидел он. Он открыл глаза и посмотрел на женщину.

- Поговорите с ним. Он сильно переживает...

- Я не знаю, о чём с ним говорить, - тусклым голосом сказал Маркус, пожав плечами.
- Мы никогда не разговаривали с ним.

- Он... ему одиноко... Я сейчас поеду в отель за вещами и займусь делами. Уговорите его хоть немного поспать.

И женщина, оставив растерявшегося Маркуса ушла. Молодой человек долго и задумчиво смотрел ей вслед, а потом глубоко и удручённо вздохнул. Он совершенно не представлял, что нужно делать. Но, наверное, женщина тоже была права - ему нужно переступить через свою обиду и поговорить с отцом. Вытерев мокрые ладони о свои джинсы, молодой человек подошёл к двери и постучался. Отец что-то буркнул, и Маркус открыл дверь и вошёл в палату. Отец стоял около стола и казался каким-то старым и сгорбленным. Недалеко валялась бутылка воды, и Маркус её поднял. Поставил стул и помог отцу сесть на него. Налил воду в стакан и протянул отцу. Сам встал рядом.

- Отец. Как ты себя чувствуешь?

Мужчина ничего не ответил, но взял стакан. Руки сильно тряслись, и много воды пролилось мимо. Маркус покачал головой и отнял у него стакан. Налил в него воду и напоил отца водой.

- Тебе надо лечь. Давай я тебе помогу.

Маркус старался говорить безразличным тоном, будто он разговаривал с чужим человеком. И действительно, отец для него был чужим. Но вот только этот холодный и чёрствый голос плохо сочетался с бурей в душе. Ему было страшно за отца. Из каких-то далёких воспоминаний детства выплывали факты, показывающие отца сильным человеком. Сильным, строгим, жестоким. И сейчас этот сломленный болью и проблемами старик совершенно не был похож на тот образ отца, который запечатлелся в его памяти.

- Зачем ты мне помогаешь? - слабым голосом спросил отец.

- Ты мой отец.

Маркус помог отцу добраться до кровати и уложил его. Укрыл одеялом и прислонил ладонь к его лбу. Ему показалось, что у отца была температура, а может быть это его рука была очень холодная. В очередной раз поддавшись какому-то порыву, он наклонился и губами прислонился ко лбу своего родителя.

- Спокойной ночи, отец.

Он подошёл к двери, даже не думая оставаться в больнице, но почему-то передумал. Лёг на маленький диванчик и закрыл глаза. По щеке стекла одинокая слеза...

Путеводная Нить

Он ненавидел больницы. Он не мог спать на этих кроватях, на этом клеенчатом матрасе, на котором всегда скользит и сминается постельное белье. Он привык к комфорту, которого нет даже в самых дорогих больничных палатах. И это его сильно угнетало. Особенно сейчас, когда нужно было вылетать в Сингапур, а ему приходилось прозябать в больнице. И из-за чего? Просто из-за неприятного стечения обстоятельств. Он просто вышел за сигаретами.

После того, как Маркус его поцеловал в лоб, что оказалось достаточно неожиданным, он подумал, что тот сейчас уйдет. Но сын остался, завалившись на маленький гостевой диванчик. Сон никак не шел, и мужчина встал с кровати. Медленно подошел к сыну. В свете фонарей блеснула слеза, которая остановилась на кончике носа. Мужчина осторожно пальцем стер ее и вздохнул. В груди появилось что-то странное. Сначала появилась обычная для него ненависть по отношению к своему сыну. Потому что Маркус прекрасно знал, где он остановился, когда улетаet, но не приходил. И было подозрение на то, что это он ограбил его. Но подозрение не было ничем подкреплено, никакими фактами, и он откинул эту мысль. В кошельке была приличная сумма денег и лежали карточки трех банков.

Поэтому версия с причастностью сына к ограблению быстро покинула воспаленный мозг мужчины, и он, глянув на сына, почувствовал какие-то угрызения совести. Потому что он не смог его забыть, отречься от него. Как бы он ни хотел перестать иметь с ним что-то общее, мысли о нем всегда возвращались. И сейчас он смотрел на беспокойное лицо своего ребенка. И если бы не больная рука, то он бы перенес его на свою кровать, а сам бы лег на диван.

Но ему пришлось только укрыть сына теплым пледом и положить под его голову подушку. Было странно, что Маркус не проснулся. Но его лицо стало умиротворенным, черты разгладились. Рикардо наклонился и поцеловал сына в щеку, после чего покинул эту маленькую комнатку и прикрыл дверь. Нужно было хоть немного поспать...
